

П. В. РЯБОВ

Михаил Бакунин в современном мире

На первый взгляд, в современном мире Михаилу Александровичу Бакунину не находится места. Трудно представить себе более неудобного и несвоевременного человека, чем он. Современный мир не знает, не желает ничего знать о Бакунине.

Ему почти не посвящают романы и фильмы, не ставят памятников, а там, где его имя совсем нельзя замолчать, отделяются скороговорками и грубыми карикатурами. Там, где невозможно и бесильно умолчание, в ход пускается клевета. (Которой он довольно изведal и при жизни.) Вчера его в России именовали не иначе как «мелкобуржуазным анархистом» и «врагом марксизма», а сегодня называют не иначе как «революционным бесом».

Сегодня у нас — иные герои в почете. В серии «Жизнь замечательных людей» обильно выходят биографии монархов, жандармов, генералов и удачливых предпринимателей.

Сегодня Михаилу Бакунину в лучшем случае посвящают один абзац в учебниках истории, где он проходит под ярлычком (навешенным некогда его учеником, а потом противником — Плехановым) «идеолога бунтарского направления в народничестве». А в худшем случае — он отождествляется с Сергеем Нечаевым и обобщается под ярлычком «беса». Бакунина традиционно обвиняли в «реакционном панславизме», в службе «шпионом царизма», в покаянной «Исповеди» перед Николаем I, в борьбе против Маркса, в авторстве зловещего «Катехизиса революционера», а теперь еще обвиняют (в духе времени) в «безответственном революционаризме». И пусть-ки, что большинство этих обвинений либо противоречат друг другу, либо давно опровергнуты учеными — кого интересуют эти ученые? Практическая деятельность Бакунина представлена широкому

читателю в донельзя куцем, вульгаризированном и окарикатуренном виде, а его теоретическая деятельность вовсе почти не известна читающей публике. Все ограничивается штампами: беспощадный разрушитель, демоническая личность, бесплодный фантазер, русский барин, нечаевец, не способный к систематической созидательной работе и к теоретической деятельности.

Бакунин страстно ненавидел любую власть, как неравенство, насилие, иерархию и эксплуатацию, как попрание человеческого достоинства, — как бы эта власть ни называлась: «демократическая республика», «самодержавие», «диктатура пролетариата» — освящена ли эта власть именем Бога или парламентских выборов или ничем не освящена, кроме грубого кулака. И потому сегодня любая власть сполна платит ему той же монетой ненависти. Бакунина не любят марксисты и клерикалы, монархисты и либералы, консерваторы и патриоты.

Да и обществу и людям нашим современникам — сегодня так же не удобен и не нужен Бакунин, как и власти. Ибо он (подобно Оводу-Сократу) беспокоит, баламутит, будоражит, открывая горизонты, называет низость низостью и показывает — как нужно, как можно жить человеку. В этом наша надежда. Но мы разучились надеяться. И это Бакунин предвидел. В то время когда Маркс сулил пролетариату светлое будущее, Бакунин с тревогой писал о всепоглощающей «цивилизационной гангрене буржуазных устремлений», констатировал, что пролетариат «подсаживается» на «иглу» общества потребления. Деньги, зрелища, покой, комфорт — вот наши кумиры сегодня. И среди них, конечно же, невозможен Михаил Бакунин. Свобода, бунт, неизвестность они сегодня не к месту более, чем раньше. В мире, в котором повсеместно наступает реакция, исчезает община, личность стирается, мельчает и существует лишь эфемерный и призрачный «выбор» между двумя видами зла: Государством и Капиталом, бюрократией и буржуазией, всеобщей враждой и тотальным государственным патернализмом, в мире, в котором люди почти разучились мечтать, разучились бороться за идеал, за свободу, разучились рисковать и — взамен — научились ко всему приспособливаться, привыкать и претерпеваться в таком мире, в сегодняшнем мире Бакунину нет места. В сегодняшнем мире Бакунин не помещается. Он чужестранец среди нас. Он не современен — к несчастью для современности.

Сегодняшние бунтари (и это тоже симптом!) часто берут себе за образец Эрнесто Че Гевара — столь же самоотверженного и отважного, как Бакунин, но, в отличие от него, насквозь авторитарного, относящегося к людям как к орудиям, как к предметам для «перековки».

Бакунин полузабыт и ими. Что бы он сказал нам сегодня, а мы ему? Кто он сегодня для нас? Что он для нас значит? «Большое видится на расстоянии» — но такое большое видится ли? Не теряется ли за ненужными мелочами и случайными подробностями? Или расстояние все еще недостаточно?

Однако мумификации и музеификации Бакунин, к счастью, не очень-то поддается — слишком он все еще живой, глубокий, неудобный, настоящий.

А современные анархисты? Анархисты далеки от поклонения авторитетам, от создания икон. Да и со времени Бакунина слишком многое в мире изменилось. Вдобавок, не во всем в своей деятельности он был прав, совершив немало теоретических и практических ошибок. Однако для многих анархистов (и для меня, в частности) именно Михаил Александрович Бакунин был и остается наиболее полным воплощением духа анархизма в теории и на практике. Ибо именно он радикализировал анархические идеи Прудона, дал мощный толчок развитию революционного анархического движения во всей Европе в 60–70-е годы XIX века. Именно он — выдающийся одаренный философ — заложил основы анархизма не просто как социальной доктрины, но как цельного философского мирозерцания. И именно он наиболее ярко и рельефно выразил своей несравненной личностью основной мотив анархизма — пафос бунта, бескомпромиссной борьбы за освобождение личности, общества, борьбы, в которой слово и дело неразделимы. Мятежник, заговорщик, трибун, оратор, конспиратор, организатор, философ, пророк, публицист, теоретик, практик, военный руководитель, наставник, герой и мученик в одном лице — все это Михаил Бакунин.

Для нас, первого «перестроечного» поколения советских анархистов второй половины 80-х годов, анархистов эпохи легендарного журнала «Община» и Конфедерации анархо-синдикалистов (КАС) анархизм прежде всего отождествлялся с Бакуниным, открывался через него. Эта генерация анархистов жадно, точно откровение, читала бакунинскую критику марксова государственного социализма и через эти жгучие, вещие строки (написанные более века назад!) начинала лучше понимать современный мир. Мы зачарованно повторяли как заклинание и написали на своем транспаранте на первой (за 70 лет) анархической демонстрации в Москве (28 мая 1988 года) бакунинские слова, ставшие нашим девизом и паролем, по которому находишь своих: «Свобода без социализма — это привилегия и несправедливость. Социализм без свободы — это рабство и скотство». О «социализме без свободы» мы кое-что уже знали тогда, а о «свободе без социализма» пришлось узнать несколькими годами позднее.

Главная опасность, которая может помешать нам приблизиться к Бакунину — мелочность — разбор его по частям: на «учения», «теории», «мысли», отдельные поступки, — а его нужно и можно воспринимать только целиком, в целом. Его надо или целиком принять или целиком отвергнуть. Бакунин — из тех людей, которых можно только или любить или ненавидеть. Великана всегда можно разобрать на «усы» и «пальцы», но великан исчезнет. Вспомним несколько предостережений на сей счет тех, кто хорошо знал его. Белинский: «Бакунин во многом виноват и грешен, но в нем есть нечто, что перевешивает все его недостатки — это вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа». Герцен: «Бакунин имел много недостатков. Но недостатки его были мелки, а сильные качества — крупны». Снова Белинский (в письме к Боткину) о Бакунине: «Это <...> человек в полном значении слова». За мелким просмотреть большое, главное, суть — вот та опасность, которой надо избежать! Но способны ли мы разглядеть, увидеть это «большое»? Бакунин нам — как упрек, как вызов, как надежда. Что же это за «вечно движущее начало, лежащее в глубине его духа», одухотворяющее его «львиную натуру», придающее искренность его патетике? Точки над «i» расставляет поэт Александр Блок, лучше всех понявший Бакунина (он лично не знал его, но большое видится — поэту на расстоянии) и произносящий решающие для понимания Михаила Александровича слова: недостатки в Бакунине мелки и случайны, а главное, основное и нем — ОГОНЬ: «Мы уж, наверное, забудем мелкие факты этой жизни во имя ее искупительного огня <...>». И вновь: «Мы читаем Бакунина и слушаем свист огня <...>. Имя “Бакунин” — не потухающий, может быть, еще не расплавленный костер». Блок уловил главное: Бакунин — огонь. А огонь — по Гераклиту Эфесскому¹ и по Блоку — самая загадочная, самая противоречивая стихия, живущая своей смертью, неугомная божественная и освещающая путь во мраке.

Бакунин всегда стремился к цельности, проходя через постоянные невообразимые противоречия, преодолевая себя. Философ кинувшийся с головой в практическую жизнь. Страстный жизнелюб, целиком отдавший себя борьбе («нельзя служить двум хозяевам сразу» — говорил он). Дворянин, посвятивший себя революции. Мечтатель и прожектор, скрупулезно вникающий в рассмотрение практических организационных вопросов. Религиозная натура, пришедшая к атеизму. Человек мессианского склада, ощущающий подлинное равенство с другими людьми. Богоискатель, ставший богоборцем. Разрушитель, через безоглядное разрушение идущий к созиданию. Мыслитель, осознавший границы мысли перед жизнью. Через эти

контрасты поистине огненные — выковывалось несравненное обаяние бакунинской личности. «Истина мне дорога, но и Бакунин мне Бакунин», — признавался его друг и критик Герцен. Нищета, разочарования, клевета, постоянный риск и неизвестность, заключение в крепостях, смертные приговоры и ссылка — в этом горниле отливались простота, стойкость, бескорыстие, самоотверженность, вдохновение этого человека. Бакунин словом и делом раздвигал границы человеческих возможностей, утверждал примат практики над теорией, жизни над мыслью, искусства над наукой, возможности (в которой коренится свобода) над действительностью (перед «разумностью» которой, по Гегелю, следовало склониться).

Многие в XIX веке говорили о прогрессе и о светлом будущем, но Бакунин больше — о зле, об оковах, о риске, об угрозах, о внутреннем рабстве масс, о росте реакции, об усилении государства, об опасности марксистского авторитарного социализма, о возможности экспериментов, проводимых учеными, получившими власть над людьми. И, отталкиваясь от этого ощущаемого им зла, от этих темных бездн (в соответствии со своим кличем-принципом: «дух разрушающий есть дух созидающий!»), он шел к добру. Он пророчески видел темные бездны в будущем и страстно боролся за идеал против них: «дионисиец», а не «аполлониец», натура мятущаяся, диссонансная, а не гармоническая, «лермонтовская», а не «пушкинская», человек, благоговейщий перед жизнью и оправдывающий человека, но полный тревог и экзистенциальных борений-порывов, а не верящий в науку и в безоблачное светлое будущее с неизбежным хэппи-эндом в конце пути (как Петр Кропоткин). Бакунин — человек крайностей. И этим он прекрасен, и этим, одновременно, ненавистен — для людей «всемства», приверженцев вечной «золотой середины». Он не либерал, «терпимо» относящийся к «другим» (за этой «терпимостью» так часто скрывается равнодушие и безразличие!). Но он и не деспот, навязывающий свое окружающим и смотрящий на них как на пассивный материал, сырье, орудия своей воли. Все его призвание — биться, бороться, звать за собой, отстаивать истину, но и признавать в других — даже во врагах человеческое достоинство. Сам равнодушный человек, он заслужил и святое право на равнодушие с нашей стороны. Подъем, энтузиазм, восстание, полемика, баррикады, трибуна — его стихия. А уныние, упадок, бездействие, разочарование, равнодушие и малодушие общества заставляли его чувствовать себя как рыба, вытасценная из воды на берег. Вся его жизнь меряется вехами — восстаниями. Он точно жил от революции до революции. Его жизнь — это росчерк: от «весны народов» (и его весны) — революции 1848–1849 годов —

через польское восстание 1863–1864 годов — к коммуна Парижа и Лиона.

Герцен писал о нем: «Он шагал семимильными шагами через горы и моря, через годы и столетия». Это — эпический язык, подобающий такому эпическому персонажу, как Бакунин. Михаил Бакунин является собой удивительный, невероятный сплав огромной энергии, воли к жизни и к борьбе, интуиции, пророческого, проповеднического, ораторского и философского дара, способности зажигать людей и вести их за собой, личного обаяния, организаторских талантов, самоотверженности, искренности и бескорыстия.

Михаил Бакунин это человек-Миф. «Миф» не в смысле «сказки» или «идола» для религиозного культа и идеологических манипуляций. Он — Миф в изначальном эллинском смысле этого слова — как архетип, пример, образец, как обнаженная, концентрированная реальность, очищенная от случайного и ненужного. Или, цитируя все того же Блока — «сотри случайные черты, и ты увидишь», — явленность истины, смысла, от блеска и огненного жара которого не по себе становится обычным смертным. Жизнь Бакунина всецело и без остатка отдана борьбе — борьбе не за мировое господство, а за всемирное освобождение. В теории Михаил Александрович высказал мысль о том, что свобода неделима, не ограничена и продолжается в свободе других, а на практике он посвятил себя вечной борьбе за самоосвобождение человека. Можно без особых преувеличений назвать его современным Прометеем² с его вечными побегами, крепостями, бунтами, баррикадами и восстаниями. «Искать своего счастья в чужом счастье, своего достоинства в достоинстве всех окружающих, быть свободным в свободе других вот моя вера», — писал он. Сам Бакунин, сидя на цепи в австрийской крепости в ожидании исполнения смертного приговора, представлялся себе прикованным Прометеем.

А парижский префект полиции (ставший таковым в ходе революции 1848 года) Коссидьер сказал о Бакунине замечательные слова: «Какой человек! В первый день революции — это просто клад, а на другой день его надобно расстрелять». Новая власть, приходящая на волне восстания, потом его же и давит. Прометей сделал свое дело, Прометей может уйти. Или — к стенке! То, о чем говорил Коссидьер, сделал Ленин и большевики: «в первый день революции» — осенью 1917 года они использовали анархистов и анархические настроения и стремления народа, а «на второй день» — в апреле 1918 года — расстреляли анархистов, ставших ненужными и опасными и — чуть позднее — задавили анархическую революцию, узурпировав ее имя. Бакунин никогда не смог бы стать человеком Власти — в этом все его

обаяние, оправдание, величие. Он никогда не смог бы успокоиться, продаться, приспособиться, повелевать — как прометеевский дух всегда оставаясь на стороне угнетенных, обманутых, гонимых, поработанных и не примирившихся. Позиция — быть может, проигрышная и смешная с точки зрения «реальных политиков». Но — последовательная в рамках прометеевского Мифа. По словам немецкого философа и литературоведа Вальтера Беньямина³: «После Бакунина Европе больше не было предложено радикального понимания свободы». А по признанию французского мыслителя-экзистенциалиста и писателя Альбера Камю (не всегда, кстати сказать, справедливого к Бакунину и слишком сурово клеймившего его ошибки в книге «Бунтующий человек»): «Бакунин — один из двух-трех людей, который в XIX веке подлинный бунт может противопоставить Марксу <...> Бакунин при всех обстоятельствах противился авторитарному социализму <...> Я убежден: мысль Бакунина способна оплодотворить обновленную анархистскую идею», без которой «не сможет, как я полагаю, обойтись общество будущего».

Как философ, Бакунин — предтеча «философии жизни» и экзистенциализма; как социальный мыслитель он — теоретик русского народничества и предшественник анархо-коллективизма и анархо-синдикализма (современный Интернационал — Международное товарищество рабочих (МАТ) считает себя продолжателем идей Бакунина); как революционер-практик он вдохновитель революционных «федералистских» секций I-го Интернационала по всей Европе и русского революционного движения 1870-х годов; а как личность он вечно останется для многих вдохновляющим примером — не иконой (ибо он не безгрешен, а кумиров анархисты и либертарианцы не признают), и не образцом для подражания (ибо подражать ему невозможно — по словам А. Блока, таким можно «только родиться»). Часто анархисты полагают, что Бакунин — прежде всего бунтарь-практик (в ущерб теории), но это отчасти несправедливо: ведь он был великим и оригинальным мыслителем, первым знатоком Гегеля в России, тонким диалектиком, увлекался идеями Артура Шопенгауэра, высказал многие экзистенциальные идеи, оставил после себя россыпь блестящих мыслей и сбывшихся пророчеств. Но такое мнение и справедливо — ибо как личность, со своими страстями и стремлениями, он крупнее себя же как мыслителя (не зря «живую жизнь» он ставил выше «мысли»). Герцен писал о своем друге: «Он тяготился долгим изучением, взвешиванием pro и contra и рвался, доверчивый и отвлеченный, как прежде, к делу, лишь бы оно было среди бурь революций, среди разгрома и грозовой обстановки». Герцен, кажется, не увидел, не понял, что «долгое

изучение» Бакунину заменяла его несравненная интуиция, вера, вдохновение, порыв, импровизация, способность непосредственного, можно сказать, мистического, видения. (Ведь, по признанию того же Герцена, Бакунин видел далеко вперед, впрочем, часто «путая второй месяц беременности с девятым» — что нередко бывает с пророками.) Если бы все человечество состояло лишь из «бухгалтеров» и «гамлетов», оно было бы беднее характерами, скучнее и поработченнее духом. Неугомонный, неукротимый Бакунин (хорошо дополнявший вечно сомневающегося и рефлексирующего друга Герцена) стилем своей мысли и жизни напоминает огненную лаву. То, что осталось нам, — лишь мертвые застывшие головешки от бывшего пожара. Десятки книг и брошюр большей частью полемических, большей частью незаконченных, текут среди тысяч и тысяч его писем, речей, воззваний, выступлений. Михаил Александрович сочетал огромную жизненную мощь, энергию и интуицию с огромной интеллектуальной мощью. Его мысль — всегда не завершена, открыта, находится в становлении, антидогматична, как сама жизнь.

Все это вместе: духовный максимализм, развитое воображение, могучая мысль, тонкая интуиция — порождали пророческий дар Бакунина, способность проникать в сущность явлений и предвидеть далекие перспективы. Жажда абсолютного, жажда жизни и действия (эту жажду ничто не могло утолить), преклонение перед спонтанностью мира и вера в человека логично привели его к анархизму — борьбе за полное освобождение личности и общества, за выявление и раскрепощение сокрытых в них возможностей. В мироощущении Бакунина, быть может, самое главное «благоговение перед жизнью» (используя выражение Швейцера⁴): «перед вечностью все ничтожно», — говорил Михаил Александрович, и страстная, исступленная человечность, стремление к «антроподице» (по словам А. А. Борового) — оправданию человека перед миром. Эта человечность была тем сильнее, чем сильнее ощущал мыслитель весь трагизм и всю уязвимость человечка, затерянного во Вселенной. Интуитивизм обогащает рационализм бакунинской мысли, придает ей глубину и драматизм, приводит к примату жизни над мыслью, к ощущению природы как чего-то живого, динамично-текущего, бездонного и одухотворенного, к пониманию важности «воли» и «инстинкта» в народе и отдельной личности как до-сознательного проявления жизни, мостика между бытием и мыслью.

Бакунин оставил множество разработанных или (чаще) только начатых теорий, прозрений, идей (о примате мысли над жизнью, о бунте, о критике парламентской демократии и либерализма, о критике патриотизма, о критике государственного социализма,

о логике революции). Всесторонней критике подверг он государство, показав, что оно всегда базируется на идее «опеки» над человеком (который так никогда и не «повзрослеет», навечно оставшись «в колыбели»), на разобщении людей и народов, на патриотической или либеральной мифологии. Бакунин подробно проанализировал психологию правителей и управляемых, показал тождество власти и эксплуатации, развенчал утопию государственного социализма. Многие предсказания Бакунина сбылись с поразительной точностью (о будущей длительной реакции, о Мировой войне, о реальном воплощении государственного социализма, о вырождении реформистской социал-демократии, оторванной от революционного движения и зараженной вирусом авторитаризма, об опасности «экспериментов», проводимых учеными, дорвавшимися до власти, над обществом). Всю свою сознательную жизнь Бакунин боролся против двух (неразрывно связанных друг с другом) врагов: Власти и Эксплуатации, тотального контроля над человеком и тотальной конкуренции между людьми. Эти его мысли, как и самая заветная его мысль о свободе — неограниченной никем и ничем, находящей свое продолжение и подтверждение в других — остаются более чем актуальными и — почти не услышанными сегодня. Кому адресованы они? Всем, кто пожелает, — «до востребования».

Как все настоящее, великое и подлинное, Бакунин многогранен и бездонен. Различные грани его наследия приобретают актуальность в разное время. В эпоху «перестройки» в СССР особенно значимой была его сокрушительная критика марксизма, а сейчас критика парламентской демократии, либерального лицемерия и патриотической мифологии. В России были последовательно дискредитированы самодержавие, затем государственный социализм и, наконец, в последнее десятилетие — либеральная «утопия», обернувшаяся на деле разорением, голодом, нищетой, грабежом, распадом общественных связей, превращением страны в международную экологическую свалку и культом конкуренции и потребления. А значит, время Бакунина вновь может прийти. Современный российский исследователь Бакунина, историк и анархист Александр Шубин назвал Бакунина «человеком из трех столетий»⁵, позаимствовавшим у XIX века веру в светлое будущее, заговорщическую тактику и мятежный дух, подарившим XX веку многие мрачные пророчества и XXI веку — надежду на воплощение в жизнь его высоких социальных идеалов.

Однако в многочисленных «измах» может затеряться уникальность, единство, цельность и непередаваемое своеобразие личности Бакунина. Ведь есть и нечто вечно актуальное, вечно притягательное, непреходящее в Бакунине — его огненный бунтующий дух, его

громадная, не вмещающаяся ни в какие аршины личность — точно образец и точно упрек, словом пламя — светящее и обжигающее. Бакунин вполне мог бы сказать о себе словами другого анархиста — писателя Оскара Уайльда, что лишь свой талант он посвятил своим сочинениям и идеям, тогда как весь свой гений вложил в собственную жизнь. Своим примером больше, нежели словами и писаниями, Михаил Александрович неуклонно и страстно утверждал «истинную религию, религию не небесную, а земную; не божественную, а человеческую — религию исполнения предназначения человечества на земле». Своим делом Бакунин считал не создание «Систем» и не прожектирование утопий, а разбивание цепей, сковывающих человека извне и изнутри. Представление о «конечном идеале» анархизма несовместимо с мироощущением Бакунина, воспринимавшего жизнь как вечное неустанное восхождение, и так ответившего на вопрос, что он стал бы делать в «идеальном обществе»: «все опрокину!» Анархизм Бакунина — не догматическая цель, не пункт прибытия, но Путь (в даосском смысле). Если для Руссо — вечного оппонента Прудона и Бакунина и любимца якобинцев и большевиков — свободный индивид — в далеком дообщественном прошлом, а в настоящем — всемогущее государство, поглотившее и переварившее в себе личность, то для Бакунина, напротив, несвободный человек, стоявший у истоков человечества, стремится через историю — к свободе, к изживанию «животности» и к обретению «человечности» через общество, через солидарное и свободное общение. Свобода для Бакунина — синоним «человечности», основа «человеческого достоинства». Равенство в свободе (отрицающее любые привилегии) и есть справедливость. В процессе мечтаний и борьбы Бакунина его теория становилась действенной, а мечта воплощалась в жизнь.

Собственно говоря, нелепо противопоставление Бакунина-теоретика Бакунину-практику. Его личность целостна (при всех ее контрастах), в нем невозможно разделить человека, мыслителя и революционера. Бакунина и сегодня, наверное, помнят улицы (некогда покрытые баррикадами) Парижа, Лиона, Дрездена, Праги и Болоньи, крепостные стены Петропавловки, Ольмюца, Кёнигштайна. Испания, Италия, США, Франция, Польша, Россия, Швеция, Саксония, Чехия, Сербия, Польша, Швейцария были аренами его кипучей деятельности. При всех своих «руссофильских» и «франкофильских» эскападах Бакунин поистине — человек мира, не вмещающийся в узкие границы государств: «Мое отечество — Социальная революция». По словам А. Блока: «О Бакунине можно писать сказку. Его личность окружена невылазными анекдотами, легендами, сценами, уморительными, трогательными или драматическими».

В числе друзей и знакомых Бакунина: Н. В. Станкевич, И. С. Тургенев, П. Я. Чаадаев, А. И. Герцен, Н. П. Огарев, В. Г. Белинский, Г. Гервег, Р. Вагнер, Ж. Санд, А. Мицкевич, П.-Ж. Прудон, А. Руге, В. Вейтлинг. Но такие люди, как Бакунин, — прирожденные бойцы — оцениваются не только по друзьям, но и по врагам своим. И эти враги не менее прославлены, чем друзья: от Карла Маркса и Джузеппе Мадзини — до... канцлера Бисмарка и императоров Николая I и Александра II. Материальные лишения, гонения со стороны властей, девять лет крепостей, нищета, ссылка, сплетни врагов, травля со стороны марксистов, разочарования, гибель череды восстаний по всему миру, поражение Коммун в Париже и Лионе, победа бисмарковской Пруссии во франко-прусской войне и авторитарно-оппортунистическое вырождение части рабочего движения, раскол Интернационала приверженцами Маркса, длительное, тотальное и повсеместное торжество реакции по всей Европе — все это не сломило, но лишь закалило Бакунина и умудрило его, сделав его анархизм глубже, а его революционность человечнее и трагичнее. Конечно, были у него и ошибки — самонадеянные увлечения, поспешные выводы, вера в то и в тех, во что и в кого хочется верить (будь то показная «революционность» губернатора Муравьева-Амурского или явное преувеличение сил первой «Земли и Воли»), отдельные постыдные националистические высказывания, излишнее доверие к зловещему Нечаеву, подкупившему сначала Бакунина своим юным фанатизмом... Однако он совершил и сделал бесконечно много для своей не слишком долгой жизни. И, чтобы увлекать других, ему надо было прежде увлекаться, загораться самому. Бакунин охотно признавал в себе это донкихотство: «В моей природе был всегда коренной недостаток: это любовь к фантастическому, к необыкновенным, неслыханным приключениям, к предприятиям, открывавшим горизонт безграничный и которых никто не может предвидеть конца. Мне становилось и душно и тошно в обыкновенном спокойном кругу. Люди обыкновенно ищут спокойствие и смотрят на него как на высочайшее благо; меня же оно приводило в отчаяние; душа моя находилась в неустанном волнении, требуя действия, движения и жизни». В творениях, поступках сочинениях Бакунина много патетики — бурной, ураганной, приподнятой и высокой; но это тот редкий случай, когда патетике веришь: патетика органична для него, его порывов и страстей, он оплатил масштабом своей личности, борьбы, страданий, раздумий право на нефальшивую, неложную патетику.

Да, Бакунин вдохновил Вагнера на образ неистового Зигфрида в «Кольце Нибелунгов», Тургенева на образ Рудина, Достоевского —

на образ Ставрогина; он (под своим именем) стал героем романа Алданова «Истоки»; Блок, Герцен и Камю оставили яркие отзывы и очерки о нем — и все же как это мало, если учесть яркость и масштабность его личности!

Герцен написал о Бакуanine: «Это натура героическая, оставленная историей не у дел». Такое высказывание о нем и в высшей степени справедливо, и в высшей степени несправедливо. Несправедливо — если учесть и вспомнить колоссальные подвиги и деяния Бакуanine, его книги, последователей, созданные им организации, подготовленные восстания. Оно несправедливо в историческом измерении и перспективе, но справедливо в метафизическом смысле. Оно справедливо, ибо все эти деяния и даже его образ в истории несопоставимо меньше, чем желанное и задуманное, чем замысел, дерзание самого Михаила Александровича — порыв к свободе, творчеству, жизни и — его заведомую обреченность на неудачу, компромиссы, поражения, вечные метания неугомонного духа, томимого тоской, подобно лермонтовскому «Парусу». В этой трагедии проступает нечто внеисторическое, непреходящее, вечное, метафизическое. Возможное, по Бакуanine, всегда неизмеримо шире, лучше и богаче действительного, сбывшегося, воплотившегося. Юность, неутомимость, безграничность, неприютность «русского Фауста» — это именно то, о чем писали романтики: от Гете и Новалиса до Лермонтова и Блока. Это романтическое вечное искание, метание духа без надежды на утоление жажды, стремление к невозможному и бесконечному (причем попутно существенно меняющее людские представления о границах возможного) выразилось не только в литературе и живописи романтизма, но и ярче всего в живом человеке — Бакуanine, который мог бы сказать о себе словами из стихотворения Зинаиды Гиппиус: «мне нужно то, чего нет на свете». Очевидно, само существование подобного человека — соблазн и упрек для окружающих! По словам Герцена: «В пятьдесят лет он был решительно тот же кочующий студент с Маросейки». Вечный бродяга, скиталец, пилигрим не от мира сего, — о деньгах он не думал: брал, не возвращая, но и отдавал последнее, не ожидая возврата. Бездомный — в физическом и метафизическом смысле. Какой же, в самом деле, нужен дом — для прорыва к бесконечному, «за пределы предельного»?

По признанию Герцена: «В нем было что-то детское, безыскусственное, и это придавало ему необычайную прелесть и влекло к нему слабых и сильных, отталкивая одних чопорных мещан». Искренность, естественность, отсутствие фальши и позы — до юродивости, до святости доходящие.

Что поражало в Бакунине и друзей и врагов — это нравственный максимализм, верность себе, вечная юность и огненное горение духа. Маркс, увидев Бакунина после его побега из ссылки, с удивлением писал Энгельсу, что Бакунин не постарел, не деградировал, не пал духом, но — ушел вперед и столь же пылок, что и в 1848 году, 15 лет назад. И Герцен подтверждает это: «Бакунин был тот же, он состарился только телом, дух его был молод и восторжен». И еще Герцен: «Фантазии и идеалы, с которыми его заперли в Кёнигштайне в 1849, он сберег и привез их через Японию и Калифорнию в 1861 году во всей их целостности». Острый ум, интуиция, энтузиазм, бескорыстие, жертвенность, неутомимость и неукротимость, испуганная любовь к свободе — быть может, отчасти и в этом секрет его обаяния, привлекавшее увлекавшего других? Увлекаться самому, стремясь к фантастическому, трудно вообразимому, невозможному. В 1848 году Бакунин выехал из революционного Парижа, чтобы — в одиночку, без денег, без друзей — начать войну с самодержавной романовской Российской Империей. Чистейшее донкихотство! Героизм. Это созвучно нам. Бунтари 68-го года писали на стенах Парижа: «Будьте реалистами требуйте невозможного!» и «Забудь все, чему тебя учили, и научись мечтать!». Они понимали, что революция — это порыв к невозможному, когда «только возможная реальность» становится невыносимой. В них Бакунин, быть может, обрел бы свое и своих — и не случайно над захваченной студентами Сорбонной мелькали черные флаги и его портреты.

Простота, открытость, воодушевление, естественность, самоотверженность и отсутствие дистанции с людьми помогали Бакунину легко находить с ними общий язык, увлекать их своим примером. Советский историк Вячеслав Полонский в своей книге о Бакунине приводит цитату из мемуаров близко знавшей Бакунина женщины, госпожи Баулер: «В чем, собственно, состояли чары Бакунина? — задает она сама себе вопрос. — Точно это определить невозможно, потому что самое верное определение будет неясная формула: во всем его существе». А Петр Кропоткин, тесно общавшийся с друзьями Бакунина из Юрской федерации в Швейцарии, свидетельствовал, что Бакунин «помог юрским друзьям разобраться в их мыслях и точно выразить свои стремления: он сумел вселить в них могучий, непреодолимый революционный энтузиазм». Они «часто поминали Мишеля, но говорили о нем не как об отсутствующем вожде, слово которого закон, а как о дорогом друге и товарище. Поразило меня больше всего то, что нравственное влияние Бакунина чувствовалось даже сильнее, чем влияние его как умственного авторитета». У друзей Бакунина не было ссылок на его авторитет (как было принято

у социал-демократов в отношении их идола Маркса). Бакунин зажигал, а не принуждал других. Через неустанную борьбу с миром и с самим собой выковывалось удивительное обаяние его личности, «львиной натуры» «великого бунтаря», которая «реалистам» и людям «золотой середины» кажется чем-то безумным, непостижимым и ненормальным.

Характерная деталь, через которую проступает весь облик Бакунина — как его называли окружающие. «Санта Маэстро» (Святой Учитель) — называли его итальянские рабочие-анархисты. И здесь не слепое и рабское поклонение, а удивление, восхищение и трогательная нежность. А обычно все и всегда (от родных в семье до швейцарских рабочих в старости) звали его попросту «Мишель». И это не фамильярность, а равенство, признание юности его духа. Со всеми Бакунин держал себя на равных — и с швейцарскими рабочими, и с представителями шведской королевской фамилии. Зная, что у его жены Антонины Ксаверьевны есть возлюбленный и дети от него (нелегкая проверка ревностью на либертарность и собственные чувства!), он с уважением и заботой относился к жене и ее детям в этой непростой ситуации, признавая право другого быть другим, быть свободным! Свобода и равенство для Бакунина были не лозунгом, а чем-то впитавшимся в кровь и плоть.

Да, Бакунин — человек крайностей. Вот легенда (выдуманная позднее) о будто бы возникшей у Бакунина мысли поставить на баррикады Дрездена во время восстания 1848 года «Мадонну» Рафаэля, чтобы правительственные немецкие войска не стреляли. Эта выдумка, однако, если бы это было бы и истинным событием — здесь, в этой истории предельно заострено то ощущение, которое было и у Руссо, и у Герцена, и у Толстого — ощущение того, что вся эта цивилизация с ее прекрасным искусством создана за счет страданий народа. Что дороже: жизнь, справедливость или красота, созданная за счет этой растоптанной жизни и попранной справедливости? Ответ не однозначен. Но стоит ли фарисейски лицемерно обвинять «этого русского медведя» — Бакунина в «варварстве»? Ведь сама предельно острая постановка этого мучительного вопроса характерна для Бакунина — ученого гегельянца, до самозабвения любившего музыку Бетховена и превосходно рисующего, знающего ценности культуры не понаслышке и — зовущего русскую молодежь уйти из университетов и слиться с народом, разделив его горести и его борьбу.

Бакунин умел от души ненавидеть, но и во время ожесточенной схватки он уважал в противнике человеческое достоинство: его свободу, потенцию, право — измениться, преобразиться.

По словам Герцена, для Бакунина была характерна «готовность первому идти на исполнение, готовность погибнуть, отвага принять все последствия». Сколько раз Бакунин из чувства чести брался за обреченное дело — и встав во главе гибнущего дрезденского восстания, и отправившись погибнуть на баррикадах Болоньи! Бакунин был натурой отчаянно страстной, нередко заблуждающейся — но никогда не мелочной и не прозаической. По его собственному признанию: «Любовь к свободе и неотвратимая ненависть ко всякому притеснению, еще более, когда оно падаю на других, чем на меня самого» были его главными чертами: «Во мне было всегда много донкихотства: не только политического, но и в частной жизни».

Конечно, такой человек «ненормален», неудобен для любой власти, неудобен он и для нас. Но кто сказал, что «удобство» и «норма» — самое главное в жизни?

Прислушаемся к строчкам из стихотворения Максимилиана Волошина «Россия»:

У нас в душе некошеные степи,
 Вся наша непашь буйно заросла
 Разрыв-травой, бильём да своевольем,
 Размахом мысли, дерзостью ума,
 Паденьями и взлетами — Бакунин
 Наш истый лик отобразил вполне.
 В анархии — все творчество России.
 Европа шла культурой огня,
 А мы в себе несем культуру взрыва.

Безоглядное дерзание, бесшабашная жажда свободы, воля, штурмующая небо, — эти бакунинские черты, характерные и для России начала XX века, сполна выразившиеся в Великой Российской Революции 1917–1921 годов и подмеченные в «огненных» строках А. Блока и М. Волошина, давно ушли в прошлое и сгинули в нем. Наш огонь погас, остались руины, пепелище, взрыв ушел в Левиафан Сверхдержавы, и тоталитарный «бульдозер» зацементировал его следы. И это тоже предвидел Бакунин, когда в самом конце жизни, на краю могилы писал в письме другу: «Я не деморализован окончательно, только оглядываясь на окружающие нас события и явления момента, в котором мы живем (этот «момент» растянулся на столетия, но ведь «перед вечностью все ничтожно!» — П. Р.), на подлость, мелкоту, трусость, бездушные характеров; на полное отсутствие честных стремлений (в большинстве), на тупость, эгоизм, на буржуазность и беспомощность пролетариата, на стадность, на самолюбешки и проч. <...> на весь современный уклад нрав-

ственной личности, на социалистическую развращенность рабочего, испорченного болтовней и утратившего даже инстинкт — я ничего не жду от современного поколения <...> везде вижу одно лишь полное отсутствие человечности, и одну лишь цивилизационную гангрену буржуазных стремлений <...>. Наш же час не пришел».

Что же теперь?

Вернемся напоследок к блоковской метафоре Бакунина — ОГ-НЯ. К огню ведь можно отнестись по-разному. Можно растоптать огонь каблуками и для надежности забетонировать кострище, как сделали большевики. Можно, почтительно и небескорыстно погреть руки у костра, притушить его и разобрать на сувениры-огоньки: оно и безопасно, и прибыльно, и красиво. Наконец, можно, интуитивно войдя с огнем в резонанс и уловив непокорное биение пламени, как нечто созвучное, родное и близкое, возжечь от него новые жаркие языки — уже в себе, уже сейчас. Конечно, дрова у нас сырые, и пальцы озябли: пламени трудно будет заняться. Но в этом вся надежда.

И вот — Александр Блок: «Зайдем огня у Бакунина!»

